

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КОМПОЗИТОР

Б. Асафьев

Всегда живой *

В ОБЛАСТИ искусства, в творчестве сердца, русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков, красок.

Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка и прекрасный Брюлов...

Это слова Горького. Дальше он перечисляет еще ряд выдающихся деятелей русского искусства, среди которых «беспощадный к себе и людям Гоголь, тоскующий Лермонтов» принадлежат к плеяде великих современников Пушкина и Глинки. Остальные шли за ними: «грустный Тургенев, гневный Некрасов, великий бунтовщик Толстой и болевшая совесть наша — Достоевский, Крамской, Репин, неподражаемый Мусоргский, Лесков, все силы, всю жизнь потративший на то, чтобы создать «положительный тип» русского человека, и, наконец, великий лирик Чайковский и чародей языка Островский. Все это грандиозное создано Русью менее чем в сто лет...»

Горький писал это в 1917 году. Но и до этого года, решающего года в истории нашей страны и после — в победоносные десятилетия Октября — он никогда не переставал дивиться буйному росту русского искусства и его столь прекрасной молодости.

Среди величайших Горьким имен имя Глинки звучит как родное былое и вместе с тем живое, настоящее наряду с деятелями мировой русской науки и литературы, принадлежащее нашей героической действительности.

Каждый раз, когда вновь и вновь вслушиваешься в его здоровую, ясную музыку, питаемую соками народной песни, поражаешь в ней свежесть и неисчерпаемость фактажи, богатство и совершенство художественного мастерства и мудрая точность выражения мысли. Это признавали и Балакирев, и Бородин, и Чайковский, и Римский-Корсаков, и Анатолий Лядов, композитор изысканной палитры, и Глазунов, создатель пышного стиля балетов и симфоний русского барокко. Как только разговор коснется музыки Глинки, Глазунов дивился классической стройности и целесообразности ее фактуры и сочетания с поразительными подробностями в изображении: «Думаешь, что совершенно все изучил, а вот на днях слушал то-то и то-то, опять нашел ускользавшие раньше от внимания вкусовые черты».

Всегда живой в создании русских музыкантов, Глинка столь же дорог сердцу русского народа. Это неувидимо: песни народа, создавшего подвигами своими великое государство, были для Глинки душой Родины. Своим удивительным слухом он схватывал

самое характерное, самое существенное в народной музыке (и не только русской) и обладал чутким до национальной окраски мастерством перевоплощения (об этом свидетельствуют его знаменитые испанские увертюры-фантазии «Арагонская хота» и «Летняя почта в Мадриде», сочиненные вскоре после поездки в Испанию в 1845—1847 гг.). Но музыка Глинки при всем свойственном ей европеизме — в смысле следования композитора прогрессивнейшим стремлениям искусства его времени — вся коренится в природе, уме, чувствах и нравах русского народа...

Смерть Глинки 15 февраля 1857 года в Берлине (от тяжелой болезни печени) остановила его стремления к завоеванию для русской музыки новых опор и путей к мировой славе. Это выполнял за него по мере сил, таланта, возможностей и артистического горизонта русские композиторы, наследовавшие ему и благодарные ему, светлему гению русского искусства.

Искусство Глинки раскрывает, чем живет сердце русского народа... проникновенно и властно звучит в нем торжество правды, любви и справедливости. Вот то истинное — поэт гениальная музыка Глинки... что может создать человек, вот то светлое, настоящее в человечестве и в русском народе...

Ничем не укротимая человеческая любовь к жизни, к общению народов в искусстве и науке — как вестник непрерывности жизни — всегда была сильнее зла, насилия и смерти. Глинка, как и Пушкин, воспевал свет разума (вспомним пушкинский дифирамб «Что смолкнул веселил глас», воззвание к «святому солнцу — гонителю тьмы») оставаясь «Руслан и Людмила» Глинки. Эта опера просияла — среди тьмы культивируемого паризмом невежества и гонений на все светлое, талантливое, разумное в русской жизни — солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа...

М. И. Глинка о себе

Невозможно описать моих ощущений в тот день *, в особенности перед началом представления...

Успех оперы был совершенный, я был в восторге...

Несмотря на блистательный успех, нашедшие зомби: Фадей Бугдариш напечатал в «Северной пчеле» две длинные статьи... Эти статьи любопытны и явно определяют степень невежества в музыке их автора. Некоторые из них, говоря о моей опере, выразились с презрением: «C'est la musique des cochers» («Это музыка кучеров»). Это хорошо и даже верно, ибо кучера, по-моему, дельнее господа!

Всегда живой в создании русских музыкантов, Глинка столь же дорог сердцу русского народа. Это неувидимо: песни народа, создавшего подвигами своими великое государство, были для Глинки душой Родины. Своим удивительным слухом он схватывал

самое характерное, самое существенное в народной музыке (и не только русской) и обладал чутким до национальной окраски мастерством перевоплощения (об этом свидетельствуют его знаменитые испанские увертюры-фантазии «Арагонская хота» и «Летняя почта в Мадриде», сочиненные вскоре после поездки в Испанию в 1845—1847 гг.). Но музыка Глинки при всем свойственном ей европеизме — в смысле следования композитора прогрессивнейшим стремлениям искусства его времени — вся коренится в природе, уме, чувствах и нравах русского народа...

Смерть Глинки 15 февраля 1857 года в Берлине (от тяжелой болезни печени) остановила его стремления к завоеванию для русской музыки новых опор и путей к мировой славе. Это выполнял за него по мере сил, таланта, возможностей и артистического горизонта русские композиторы, наследовавшие ему и благодарные ему, светлему гению русского искусства.

Искусство Глинки раскрывает, чем живет сердце русского народа... проникновенно и властно звучит в нем торжество правды, любви и справедливости. Вот то истинное — поэт гениальная музыка Глинки... что может создать человек, вот то светлое, настоящее в человечестве и в русском народе...

Ум, мудрость, ясность, разумность художества и, я бы сказал, интеллект просветленный артистизм Глинки — разве все это, в гармонии с русской задушевностью и сердечностью, не составляет единства культуры музыкальной с культурой умственной, с той русской озаренностью века Просвещения, которая являлась главным качеством великой исторической эпохи — от Новикова и Радищева, всех чаяний декабризма, наконец, блестящих десятилетий до трагической гибели великого поэта и последующих стремлений ослеплять его заветы?

Конечно же, вершиной русских прославлений правды и радости Разума (вспомним пушкинский дифирамб «Что смолкнул веселил глас», воззвание к «святому солнцу — гонителю тьмы») оставаясь «Руслан и Людмила» Глинки. Эта опера просияла — среди тьмы культивируемого паризмом невежества и гонений на все светлое, талантливое, разумное в русской жизни — солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа...

Ум, мудрость, ясность, разумность художества и, я бы сказал, интеллект просветленный артистизм Глинки — разве все это, в гармонии с русской задушевностью и сердечностью, не составляет единства культуры музыкальной с культурой умственной, с той русской озаренностью века Просвещения, которая являлась главным качеством великой исторической эпохи — от Новикова и Радищева, всех чаяний декабризма, наконец, блестящих десятилетий до трагической гибели великого поэта и последующих стремлений ослеплять его заветы?

Конечно же, вершиной русских прославлений правды и радости Разума (вспомним пушкинский дифирамб «Что смолкнул веселил глас», воззвание к «святому солнцу — гонителю тьмы») оставаясь «Руслан и Людмила» Глинки. Эта опера просияла — среди тьмы культивируемого паризмом невежества и гонений на все светлое, талантливое, разумное в русской жизни — солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа...

Ум, мудрость, ясность, разумность художества и, я бы сказал, интеллект просветленный артистизм Глинки — разве все это, в гармонии с русской задушевностью и сердечностью, не составляет единства культуры музыкальной с культурой умственной, с той русской озаренностью века Просвещения, которая являлась главным качеством великой исторической эпохи — от Новикова и Радищева, всех чаяний декабризма, наконец, блестящих десятилетий до трагической гибели великого поэта и последующих стремлений ослеплять его заветы?

Конечно же, вершиной русских прославлений правды и радости Разума (вспомним пушкинский дифирамб «Что смолкнул веселил глас», воззвание к «святому солнцу — гонителю тьмы») оставаясь «Руслан и Людмила» Глинки. Эта опера просияла — среди тьмы культивируемого паризмом невежества и гонений на все светлое, талантливое, разумное в русской жизни — солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа...

Ум, мудрость, ясность, разумность художества и, я бы сказал, интеллект просветленный артистизм Глинки — разве все это, в гармонии с русской задушевностью и сердечностью, не составляет единства культуры музыкальной с культурой умственной, с той русской озаренностью века Просвещения, которая являлась главным качеством великой исторической эпохи — от Новикова и Радищева, всех чаяний декабризма, наконец, блестящих десятилетий до трагической гибели великого поэта и последующих стремлений ослеплять его заветы?

Конечно же, вершиной русских прославлений правды и радости Разума (вспомним пушкинский дифирамб «Что смолкнул веселил глас», воззвание к «святому солнцу — гонителю тьмы») оставаясь «Руслан и Людмила» Глинки. Эта опера просияла — среди тьмы культивируемого паризмом невежества и гонений на все светлое, талантливое, разумное в русской жизни — солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа...

Ум, мудрость, ясность, разумность художества и, я бы сказал, интеллект просветленный артистизм Глинки — разве все это, в гармонии с русской задушевностью и сердечностью, не составляет единства культуры музыкальной с культурой умственной, с той русской озаренностью века Просвещения, которая являлась главным качеством великой исторической эпохи — от Новикова и Радищева, всех чаяний декабризма, наконец, блестящих десятилетий до трагической гибели великого поэта и последующих стремлений ослеплять его заветы?

Конечно же, вершиной русских прославлений правды и радости Разума (вспомним пушкинский дифирамб «Что смолкнул веселил глас», воззвание к «святому солнцу — гонителю тьмы») оставаясь «Руслан и Людмила» Глинки. Эта опера просияла — среди тьмы культивируемого паризмом невежества и гонений на все светлое, талантливое, разумное в русской жизни — солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа...

Ум, мудрость, ясность, разумность художества и, я бы сказал, интеллект просветленный артистизм Глинки — разве все это, в гармонии с русской задушевностью и сердечностью, не составляет единства культуры музыкальной с культурой умственной, с той русской озаренностью века Просвещения, которая являлась главным качеством великой исторической эпохи — от Новикова и Радищева, всех чаяний декабризма, наконец, блестящих десятилетий до трагической гибели великого поэта и последующих стремлений ослеплять его заветы?

Конечно же, вершиной русских прославлений правды и радости Разума (вспомним пушкинский дифирамб «Что смолкнул веселил глас», воззвание к «святому солнцу — гонителю тьмы») оставаясь «Руслан и Людмила» Глинки. Эта опера просияла — среди тьмы культивируемого паризмом невежества и гонений на все светлое, талантливое, разумное в русской жизни — солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа...

Ум, мудрость, ясность, разумность художества и, я бы сказал, интеллект просветленный артистизм Глинки — разве все это, в гармонии с русской задушевностью и сердечностью, не составляет единства культуры музыкальной с культурой умственной, с той русской озаренностью века Просвещения, которая являлась главным качеством великой исторической эпохи — от Новикова и Радищева, всех чаяний декабризма, наконец, блестящих десятилетий до трагической гибели великого поэта и последующих стремлений ослеплять его заветы?

Конечно же, вершиной русских прославлений правды и радости Разума (вспомним пушкинский дифирамб «Что смолкнул веселил глас», воззвание к «святому солнцу — гонителю тьмы») оставаясь «Руслан и Людмила» Глинки. Эта опера просияла — среди тьмы культивируемого паризмом невежества и гонений на все светлое, талантливое, разумное в русской жизни — солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа...

Ум, мудрость, ясность, разумность художества и, я бы сказал, интеллект просветленный артистизм Глинки — разве все это, в гармонии с русской задушевностью и сердечностью, не составляет единства культуры музыкальной с культурой умственной, с той русской озаренностью века Просвещения, которая являлась главным качеством великой исторической эпохи — от Новикова и Радищева, всех чаяний декабризма, наконец, блестящих десятилетий до трагической гибели великого поэта и последующих стремлений ослеплять его заветы?

Конечно же, вершиной русских прославлений правды и радости Разума (вспомним пушкинский дифирамб «Что смолкнул веселил глас», воззвание к «святому солнцу — гонителю тьмы») оставаясь «Руслан и Людмила» Глинки. Эта опера просияла — среди тьмы культивируемого паризмом невежества и гонений на все светлое, талантливое, разумное в русской жизни — солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа...

Отец русской музыки

Д. Шостакович

М. И. Глинка и его сестра М. И. Шостакович.

Чем дальше вглубь веков уходит от нас Глинка, тем отчетливее вырисовывается в исторической перспективе величественный облик отца и родоначальника русской музыкальной классики, чей светлый гений озарил путь развития нашего искусства. Подобно Пушкину, он обогатил в своем творчестве огромный и многообразный опыт русского народного искусства. Подобно Пушкину, он открыл новую прекрасную страну в истории отечественной художественной культуры.

Глинка — первый в блестящей плеяде великих русских композиторов, создателей русской национальной школы, прославившей в веках музыкальное искусство нашей Родины, выдвинувшей его на одно из первых мест в истории мировой музыкальной культуры. В послеглинкинском русском музыкальном творчестве области, где так или иначе не сказались бы живительное воздействие Глинки.

И в наше советское время в полной мере остается в силе меткое определение роли бессмертной «Камаринской» в развитии русского симфонизма («как дуб в жолуде»), данное Чайковским. Это глубокую и верную мысль можно с полным основанием отнести и к русской опере, камерно-вокальной и инструментальной музыке. Разве не от «Ивана Сусанина» берет свое начало русская классическая опера? А можно ли говорить о русской вокальной опере, не поставив в качестве высших образцов такие глинкинские шедевры, как «Жар-птица», «Сомнение», «Я помню чудное мгновенье»?

Когда задумываешься, в чем прежде всего проявилась необыкновенная сила творческого гения Глинки, что явилось главным в той революции, которую он совершил в русской музыке, неизбежно приходишь к мысли о начале

много десятилетий вперед, открыв бескрайние дали, наметив ясные пути развития и совершенствования национальной русской музыки. Достаточно обратиться к партитуре Глинки, чтобы почувствовать неуемную молодость и мудрую зрелость его инструментаторского мастерства.

Оркестр Глинки не устарел ни в чем. Его удивительные находки в использовании отдельных инструментов, в сочетании тембров, в создании живой «звучащей атмосферы» не утратили прелесть новизны и для нашего времени. Вспомним неповторимое звуковое очарование танцев в «Иване Сусанине» и «Руслане», бесконечное тембровое богатство испанских увертюр, «Вальса-фантазии», не говоря уже о гениальнейшей «Камаринской». Рассматривая партитуры Глинки, слушаешь их живое звучание, в полной мере осознаешь справедливость слов Римского-Корсакова о том, что оркестровка есть творчество.

Оркестр Глинки оказал огромное влияние на все последующие поколения русских композиторов — да и не только русских, конечно. Вспомним такие шедевры инструментаторского мастерства, как «Шестые гимны» из сюиты «Пер-Гюнт» Грига, как знаменитое «Болеро» Равеля. Разве не чувствуешь здесь плодотворное воздействие оркестро-

Вверху: эскиз И. Репина к знаменитой его картине «М. И. Глинка, сочиняющий оперу «Руслан и Людмила». Справа: дом в Берлине, где умер Глинка.

Тоска по отчизне навела меня

ного мышления Глинки, и прежде всего его «Камаринской»?

Должен сказать, я не раз задумывался, почему знатоки музыки, которые обычно так легко обнаруживают связи между конструкцией первой части моей Седьмой симфонии и «Болеро» Равеля, не замечают непосредственного воздействия на мое оркестровое мышление «Камаринской», которую я всегда изучал и буду изучать до конца моих дней как высший образец инструментовки, органически вытекающей из образного содержания музыки.

Глинка — отец русской музыки. И русская музыка всегда гордилась и будет гордиться своим великим отцом. Оглядываясь назад, видишь, какие богатые плоды принесли нашему народу зерна, посеянные Глинкой. Как великолепно расцвела в лучах его великого гения русская музыка, давшая миру Даргомыжского, Мусоргского, Балакирева, Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского, Глазунова, Танеева, Рахманинова, Скрябина, Прокофьева, Мясковского, целое поколение талантливейших композиторов советской эпохи.

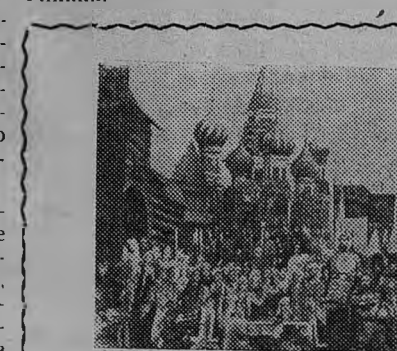
Мелодии Глинки не только поют — они рассказывают, они говорят. Глинка редко прибегал к цитированию народных напевов. Но почти все его темы глубоки народны по духу — они волнуют и захватывают вас живостью, поэтичностью, правдой выражения.

В этом, я убежден, и заключается великая тайна искусства Глинки, «равно докладного и знатокам и народу». Глинка учит нас верному и глубокому пониманию народности искусства. Великий художник-патриот учит нас служению Родине, человечеству.

В мою задачу не входит, конечно, разбор содержания и форм сочинений Глинки. Изучающий Глинку — а я не представляю себе музыканта, который не знает Глинки и не стремится познать его глубже и глубже, — не перестает изумляться несказанной красотой и силой его мелодики, мастерству полифонии, кристально чистому голосоведению, выразительному многообразию гармонических средств. Во всех жанрах музыкального творчества Глинка двинул искусство на много десятилетий вперед, открыв бескрайние дали, наметив ясные пути развития и совершенствования национальной русской музыки.

Достаточно обратиться к партитуре Глинки, чтобы почувствовать неуемную молодость и мудрую зрелость его инструментаторского мастерства. Оркестр Глинки не устарел ни в чем. Его удивительные находки в использовании отдельных инструментов, в сочетании тембров, в создании живой «звучащей атмосферы» не утратили прелесть новизны и для нашего времени. Вспомним неповторимое звуковое очарование танцев в «Иване Сусанине» и «Руслане», бесконечное тембровое богатство испанских увертюр, «Вальса-фантазии», не говоря уже о гениальнейшей «Камаринской». Рассматривая партитуры Глинки, слушаешь их живое звучание, в полной мере осознаешь справедливость слов Римского-Корсакова о том, что оркестровка есть творчество.

Оркестр Глинки оказал огромное влияние на все последующие поколения русских композиторов — да и не только русских, конечно. Вспомним такие шедевры инструментаторского мастерства, как «Шестые гимны» из сюиты «Пер-Гюнт» Грига, как знаменитое «Болеро» Равеля. Разве не чувствуешь здесь плодотворное воздействие оркестро-

На снимках (слева): опера «Иван Сусанин» на сцене Софийского театра (Болгария); (справа) — опера «Иван Сусанин» в постановке Алма-Атинского театра (Казахстан).

Мысли о Глинке

Появление множества романов, драм и повестей с содержанием из русской жизни, опера «Иван Сусанин», выразившая стремление воспользоваться в ученой музыке элементами народной музыки, — все это добро, все это благо, и все это есть речательство и залог прекрасной будущности.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе, — новая стихия в искусстве, и начинается в его истории новый период: период русской музыки. Такой подвиг... есть дело не только таланта, но гения.

Ц. А. ЮН

Часы, когда слушаешь «Руслана», можно считать часами полного блаженства. На всем произведении лежит колорит ласкающей сказочности.

В. Ф. ОДОВЕСКИЙ

Часы, когда слушаешь «Руслана», можно считать часами полного блаженства. На всем произведении лежит колорит ласкающей сказочности.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

В этой чудесной партии вы найдете все. Здесь и великолепная техника, столь желанная для многих певцов, жаждущих показать свою виртуозность и тем заслужить признание. Здесь и благодарный материал для подлинной актрисы... Желание быть настоящей Людмиллой, таю вам быть настоящей Людмиллой.

И. С. ТУРГЕНЕВ

Никто не подозревает, сколько бызнания. Здесь и благодарный материал для подлинной актрисы... Желание быть настоящей Людмиллой, таю вам быть настоящей Людмиллой.

С. В. РАХМАНИНОВ

Никто не подозревает, сколько бызнания. Здесь и благодарный материал для подлинной актрисы... Желание быть настоящей Людмиллой, таю вам быть настоящей Людмиллой.

Никто не подозревает, сколько бызнания. Здесь и благодарный материал для подлинной актрисы... Желание быть настоящей Людмиллой, таю вам быть настоящей Людмиллой.

Никто не подозревает, сколько бызнания. Здесь и благодарный материал для подлинной актрисы... Желание быть настоящей Людмиллой, таю вам быть настоящей Людмиллой.

Никто не подозревает, сколько бызнания. Здесь и благодарный материал для подлинной актрисы... Желание быть настоящей Людмиллой, таю вам быть настоящей Людмиллой.

Мысли о Глинке

Мы с гордостью можем указать на своего русского художника, который, вскормленный влиянием русской поэзии, внес ее характер, ее условия в свои бессмертные творения и неподражаемо изобразил нам русский народ в его глубочайших свойствах и особенностях.

Г. А. ЛАРОШ

Если бы гений, как творческую силу в ее количественном и качественном отношении, можно было измерить и определить в виде какой-нибудь известной величины, то гений оказался бы приблизительно одинаков у Моцарта и Глинки.

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Он создал целый новый музыкальный мир, неизвестный, неслыханный и невиданный до него.

В. В. СТАСОВ

Глинкой... проложена новая дорога, созданная национальная опера в таких формах, каких не существует нигде больше в Европе. Преемники Глинки пошли вслед за ним, опираясь на его гениальный пример и почин.

В. В. СТАСОВ

Необычайное, изумительное явление в сфере искусства... На 34-м году жизни ставит оперу, по гениальности, размаху, новизне и безупречности техники стоящую наряду с самым великим и глубоким, что только есть в искусстве... Глинка вдруг одним шагом стал наряду (да! наряду!) с Моцартом, с Бетховеном и с кем угодно. Это можно без всякого преувеличения сказать про человека, создавшего «Славянку».

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

Вечером в Царке-театре слушал оперу «Иван Сусанин». Гениальное произведение! Бессмертный М. И. Глинка! Петров в роли Сусанина по-прежнему хорош, и Леонова в роли Вани хороша, но далеко не Петрова, которую я слышал в 1845 году.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Вечером в Царке-театре слушал оперу «Иван Сусанин». Гениальное произведение! Бессмертный М. И. Глинка! Петров в роли Сусанина по-прежнему хорош, и Леонова в роли Вани хороша, но далеко не Петрова, которую я слышал в 1845 году.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Ф. И. Шалыпин в роли Ивана Сусанина.

Во многих отношениях Глинка имеет в русской музыке такое же значение, как Пушкин в русской поэзии. Оба — великие таланты, оба — родоначальники нового русского художественного творчества, оба — глубоко национальные, черпавшие свои великие силы прямо из коренных элементов своего народа, оба создали новый русский язык — один в поэзии, другой в музыке.

В. В. СТАСОВ